

УДК 141.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-2

Суслов И. В.¹,
Кныжова З. З.²,
Сидоров С. П.³,
Балаш В. А.⁴

Большие нарративы, сетевое общество, цифровая гиперреальность: трансформация архитектуры идеологического¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; *suslov85@inbox.ru*

² Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; *knyzhova@mail.ru*

³ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского,
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *sidorovsp@yahoo.com*

⁴ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского,
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *vladimirbalash@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации идеологического дискурса в условиях цифровой цивилизации и сетевой организации современного общества. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления новых форм идеологического воздействия в условиях медиатизации и цифровизации общественного сознания. В работе анализируется цивилизационно-темпоральная динамика идеологических процессов, выявляется взаимосвязь между типами коммуникационных технологий и структурой социального времени. Новизна подхода заключается в обращении к медиафилософскому ракурсу анализа, позволяющему рассматривать идеологию как медиально обусловленный феномен, чья форма и интенсивность зависят от технических и культурных параметров эпохи. Показано, что цифровая среда не устраняет идеологию, а трансформирует ее, переводя в сферу повседневной коммуникации, визуальных кодов и аффективных форм политического участия. Реидеологизация интерпретируется как ответ на кризис идентичности и доверия в условиях кризиса традиционных социальных институтов. В результате показано, что идеология в XXI веке перестает быть институционально закреплённой системой взглядов, превращаясь в распределённую сеть знаков, образов и аффектов, регулирующих коллективное восприятие и политическую идентичность. Делается вывод о том, что современная идеологическая динамика определяется сетевой организацией общества и медиа симуляцией реальности.

Ключевые слова: идеология; цифровое общество; медиатизация; реидеологизация; власть; массовые коммуникации; массовое сознание

Для цитирования: Суслов, И. В., Кныжова, З. З., Сидоров, С. П. и Балаш, В. А. (2026), «Большие нарративы, сетевое общество, цифровая гиперреальность: трансформация архитектуры идеологического», *Научный результат. Социальные*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-03315 «Хронополитические режимы современных идеологических проектов».

и гуманитарные исследования, 12 (1), 18-28. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-2

I. V. Suslov¹,
Z. Z. Knyzhova²,
S. P. Sidorov³,
V. A. Balash⁴

**Grand narratives, network society, digital hyperreality:
the transformation of ideological architecture²**

¹Saratov State Law Academy,

1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; *suslov85@inbox.ru*

²Saratov State Law Academy,

1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; *knyzhova@mail.ru*

³Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *sidorovsp@yahoo.com*

⁴Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *vladimirbalash@yandex.ru*

Abstract. This article examines how ideological discourse has changed in the context of digital civilisation and the networked organisation of modern society. The relevance of the study is determined by the need for theoretical understanding of new forms of ideological influence in the context of mediatization and digitalization of public consciousness. The work analyzes the civilizational and temporal dynamics of ideological processes, revealing the relationship between types of communication technologies and the structure of social time. The novelty of this approach lies in its appeal to a media philosophical perspective, allowing us to consider ideology as a media-conditioned phenomenon whose form and intensity depend on the technical and cultural parameters of the era. It is shown that the digital environment does not eliminate ideology, but rather transforms it, transferring it into the sphere of everyday communication, visual codes, and affective forms of political participation. Reideologization is interpreted as a response to a crisis of identity and trust amid the disintegration of traditional institutions. The study demonstrates that ideology in the 21st century is ceasing to be an institutionally fixed system of views, transforming into a distributed network of signs, images, and affects that regulate collective perception and political identity. It concludes that contemporary ideological dynamics are determined by the interaction of three factors – the crisis of historical time, the network organization of society, and the media simulation of reality – creating a new architecture of ideological space.

Keywords: ideology; digital society; mediatization; re-ideologization; power; mass communications; mass consciousness

For citation: Suslov, I. V., Knyzhova, Z. Z., Sidorov, S. P. and Balash, V. A. (2026), “Grand narratives, network society, digital hyperreality: the transformation of ideological architecture”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(1), 18-28, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-2

² The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-03315 “Chronopolitical regimes of modern ideological projects”.

Введение

В конце XX века в социально-философском и политологическом дискурсе сформировалась устойчивая установка на «конец идеологии». Крах метанарративов модерна, секуляризация массового сознания, рационализация социальной жизни и институционализация либерально-демократических порядков рассматривались как свидетельства утраты идеологией мобилизационного и смыслообразующего потенциала. Идеология интерпретировалась либо как рудимент индустриальной эпохи, либо как инструмент тоталитарных режимов, не совместимый с условиями постиндустриального и плюралистического общества.

Однако развитие цифровых коммуникационных технологий, формирование сетевого общества и радикальная медиатизация публичной сферы поставили под сомнение идею «конца идеологии». В начале XXI века произошла качественная трансформация идеологии, проявившаяся в переходе к аффективной политической мобилизации, фрагментации идентичностей, а также усилении визуальных форм воздействия на общественное сознание. «Большие идеологические нарративы» были переведены в новые медиа форматы: вместо доктрин и партийных программ массам были предложены системы смыслов, образов и эмоциональных кодов, встроенных в повседневную цифровую коммуникацию. Алгоритмическая фильтрация информационного контента, присущая платформенной экономике внимания, и культура клипового восприятия формируют условия для возникновения цифровой гиперреальности.

Формирование сетевого общества является фактором современной трансформации логики идеологического воздействия. Вертикальные модели трансляции смыслов, характерные для общества модерна, уступают место горизонтальным и децентрализованным формам циркуляции символов, а граница между производителем и потребителем идеологических сообщений размывается.

Таким образом, медиафилософский подход позволяет рассматривать идеологию как форму общественного сознания и организации коллективного восприятия, определяющуюся доминирующими технологиями передачи и производства информации. Целью данной статьи является теоретический анализ трансформации архитектуры идеологического в условиях цифрового общества. Задачами исследования являются: выявление цивилизационных сдвигов идеологического дискурса; анализ влияния коммуникационных технологий на формы идеологического воздействия; а также концептуализация цифровой идеологии как сети знаков, образов, формирующих политическую идентичность в условиях гиперреальности.

Концептуализация идеологии

в контексте перехода от эпохи модерна к постмодерну

В обществах традиционного типа идеологическое оправдание социального порядка и неоспоримой власти правящих элит имело преимущественно сакральную основу. Центральным механизмом регуляции повседневного существования выступала идея предопределенности в формах судьбы, фатума или кармы (Бутина, 2002) (Горан, 1990).

Формирование предпосылок для рефлексивного осмысления социальной реальности связано с подъемом общественно-философской мысли в середине I тысячелетия до н.э. Именно в этот период в Китае, Индии, Палестине и Древней Греции возникают учения Лао-цзы, Конфуция, Будды и античных философов (Комков, 2020) (Ясперс, 1991), предлагающие альтернативные нормативные модели общественного устройства.

После упадка античной цивилизации доминирующее положение в европейском культурном пространстве заняло христианство, и уже к XIII веку в Европе усиливаются проповеднические движения и критические настроения по отношению к церковной иерархии (Ле Гофф, 2007), что отражает трансформацию социальных отношений и рост секулярных

элементов городской культуры. Философы Нового времени Дж. Локк, Д. Юм и Д. Дефо разрабатывают концепции общественного мнения, личной свободы и ограничений политической власти, а мыслители Просвещения утверждают приоритет разума над традицией (Фуко, 2002). Великая Французская революция институционализовала принципы идеологического плюрализма и открытой публичной дискуссии (Токвиль, 1997), что способствовало становлению публичной сферы, в понимании Ю. Хабермаса (Habermas, 1989).

Идеологии модерна изначально исходили из признания масс ключевым субъектом исторического процесса. Процессы урбанизации, расширение демократических институтов и размывание сословных границ подготовили почву для эпохи массовой политической мобилизации. Социалистические и революционные движения стали первыми, кто систематически обратился к широким, зачастую малограмотным слоям населения, превратив идеологию в инструмент массового воздействия.

Если ранее идеологические споры велись преимущественно в письменной форме, а интеллектуальные дискуссии ограничивались салонным пространством, то к концу XIX века на первый план выходят устные формы политической коммуникации. Появляется новый тип идеологического актора, действующего в пространстве митингов, собраний и публичных выступлений. Использование устной речи и телесной экспрессии в пропаганде способствует актуализации дописьменных моделей социального взаимодействия, в частности форм партиципаторной мистики, создающих эффект эмоциональной сопричастности аудитории с лидером. Подобный режим восприятия соотносится с феноменом «первичной устности» (Ong, 1982) и характеризуется мифологическим типом сознания.

В XX веке идеология окончательно утрачивает элитарный характер и становится структурным элементом массового общества. Расширение доступа к политическим смыслам сопровождается их медиатизацией: идеологический дискурс выходит за пределы книг и интеллектуальных кругов, становясь частью уличного пространства, визуальной агитации и радиовещания. Этот процесс формирует новую модель восприятия, в которой эмоциональное воздействие начинает преобладать над рациональной аргументацией, создавая предпосылки для утверждения тоталитарных форм политического воображения.

Если в предшествующие эпохи идеологические тексты были ориентированы на длительное историческое существование, то с развитием радио и кинематографа идеология приобретает оперативный и воспроизводимый характер. Стремление к массовой доступности сопровождается утратой содержательной сложности: идеологические конструкции превращаются в ритуализированные формы, а повторяемость и эмоциональный эффект оказываются важнее смысловой глубины. Массовые коммуникации, таким образом, выполняют амбивалентную функцию, сочетая модернизационный потенциал с возможностью мифологизации коллективного сознания.

Критическая теория Франкфуртской школы выявила внутренние противоречия индустрии культуры, рассматривая кино и радио как механизмы стандартизации сознания (Марков, 2018) (Пеннер, Тихонова, 2024). Массовая культура формирует иллюзию свободы, поддерживаемую системой потребительских и национальных мифов. В логике Ги Дебора социальная реальность в условиях развитого капитализма трансформируется в спектакль, а индивид оказывается в позиции пассивного наблюдателя (Тищенко, 2018). Медиа становятся центральным инструментом конструирования социальной реальности и коллективной идентичности.

Травматический опыт первой половины XX века и кризис тоталитарных режимов актуализировали в социальной философии дискурс отчуждения и манипуляции. Однако уже в 1960–1970-е годы формируется более оптимистичная парадигма постиндустриального общества. Д. Белл утверждает, что переход к экономике знаний и услуг приведет к ослаблению

классовых конфликтов и снижению идеологической напряженности (Белл, 1999). В работе «Конец идеологии» им выдвигается тезис о замещении конфронтационных нарративов технократическими формами управления (Bell, 1960).

Концепция «конца идеологии» была подвергнута серьезной критике со стороны неомарксистских и постструктуралистских теоретиков. Ю. Хабермас указывал, что деидеологизация означает не исчезновение идеологии, а лишь ее переход в скрытые формы господства (Хабермас, 2007). Ж. Бодрийяр рассматривал медиа как механизм легитимации общества потребления в условиях симулятивной реальности (Бодрийяр, 2015), что приводит к появлению гиперреальности, в которой знаковые конструкции подменяют социальные противоречия.

В условиях медиатизированного общества социальная реальность подменяется системой ее символических репрезентаций. Информационные сообщения, рекламные образы и развлекательный контент формируют особое пространство гиперреальности, в рамках которого структурные социальные противоречия утрачивают видимость, а индивид оказывается погруженным в неявный идеологический контур – совокупность знаков, визуальных кодов и нарративов, функционирующих вне сферы рефлексивного осмысления.

О. Лемберг рассматривал массовые медиа развитого капитализма как механизм деполитизации, редуцирующий политику до формата зрелищного события и медиашоу (Рубцов, 2018: 67). В противовес тезису о деидеологизации, сформулированному Д. Беллом, Лемберг утверждал, что в действительности происходит смещение идеологии в скрытые, опосредованные формы. Доминирующие социальные группы продолжают транслировать собственные интересы через культуру, рекламу и индустрию развлечений, лишая их внешне политической маркированности. Последовательное вытеснение рационального политического дискурса медийными образами и популистскими формулами формирует иллюзию постидеологической стабильности, возникшую в результате технологических и коммуникационных сдвигов второй половины XX века.

Теория сетевого общества М. Кастельса описывает переход к ретикулярной организации социального пространства и нелинейной темпоральности, в рамках которых идеологическое приобретает распределённый характер (Кастельс, 2000) (Castells, 2007). В условиях радикальной трансформации коммуникационного пространства анализ идеологии требует смещения исследовательского фокуса в сторону сетевых медиа-практик, поскольку именно они определяют новые способы производства, циркуляции и интерпретации политических смыслов.

Цифровая медиатизация

как условие новой идеологической динамики

Для аналитического рассмотрения процессов реидеологизации («возвращения идеологии») в контексте цифровой перестройки социального порядка целесообразно обратиться к теоретическому инструментарию медиафилософии, с помощью которого исследуется сопряженность коммуникационных технологий с формами социальной организации и типами коллективного мышления. Одним из базовых тезисов данного направления является отказ от представления медиа как нейтральных посредников передачи информации. Напротив, средства коммуникации выступают активными структурообразующими факторами, формирующими когнитивные режимы, модели социального взаимодействия и конфигурации политической субъектности, тем самым напрямую влияя на способы возникновения, функционирования и трансформации идеологических конструкций.

Теоретическим основанием анализа медиатрансформаций выступает концепция М. Маклюэна, согласно которой медиатехнологии функционируют как расширения человеческих сенсорных и когнитивных способностей, кардинально изменяя способы

восприятия действительности и формы коллективной координации (McLuhan, 1964). Дальнейшее развитие данной идеи представлено в исследовании, в котором коммуникационные технологии рассматриваются как факторы, формирующие социальную среду и конфигурацию общественного сознания в целом (Маклюэн, Фиоре, 2011).

Медиафилософия предлагает рассматривать технические средства коммуникации не как вторичные инструменты, а как фундаментальные параметры социокультурной реальности. Сходную линию развивал У. Дж. Онг, анализирувавший переход от устной культуры к письменной, а затем к электронной «вторично-устной» форме как глубокую трансформацию структур мышления и коллективного опыта (Ong, 1982).

Существенным этапом эволюции медийной теории стало введение М. Постером понятия «второго века медиа» (The Second Media Age) (Poster, 1995), противопоставленного эпохе централизованных вещательных технологий – печати, радио и телевидения. Если первая медиареальность была основана на иерархической модели коммуникации «один ко многим» и минимальной обратной связи, то цифровые и сетевые медиа формируют принципиально иную среду, характеризующуюся децентрализацией, интерактивностью, многонаправленностью коммуникационных потоков, размыванием значения территориальных границ и усилением индивидуального участия.

Данная трансформация, как отмечают также Г. Рейнгольд (Rheingold, 2000), Н. Негропonte (Negroponte, 1995) и Дж. Гилдер (Gilder, 1994), отражает более широкий сдвиг от индустриальной модели массового информационного вещания к цифровой экосистеме, ориентированной на сетевое взаимодействие, персонализацию контента и расширение возможностей саморепрезентации. Переосмысление роли медиа позволяет выявить устойчивые корреляции между доминирующим типом коммуникационных технологий и логикой социокультурной эпохи, включая способы идеологического производства и воспроизводства.

Как указывал Ж.-Ф. Лиотар, в условиях постмодерна происходит эрозия «больших нарративов», ранее обеспечивавших стабильные интерпретационные рамки общественно-политической реальности (Lyotard, 1985). Расширение сфер правового и морального регулирования ослабило мобилизационный потенциал классических идеологий и зафиксировало становление новой политической культуры, в которой приоритет получают индивидуальные ожидания, ситуативные выборы и прагматическое отношение к власти, а не принадлежность к устойчивым идеологическим сообществам.

В условиях современного разрыва социальных связей и ослабления горизонтальных форм солидарности идеология вынуждена выполнять компенсаторную роль, восполняя дефицит доверия, идентичности и легитимности. Современное общество вступает в фазу, в которой идеология вновь приобретает функции идентификации и мобилизации, выступая средством стабилизации фрагментированного социального опыта и конструирования символических границ между «своими» и «чужими».

В цифровой среде формируется специфический тип идеологического воздействия, реализующийся не через программные тексты или доктринальные декларации, а посредством микроформ повседневной коммуникации, мемов, сетевых ритуалов и визуально-аффективных символов. Подобная конфигурация соотносится с тем, что Ж. Бодрийяр обозначал как «гиперреальность», в рамках которой симулякры вытесняют референтные структуры, а знак обретает автономное существование в политическом пространстве (Бодрийяр, 2000).

Процесс реидеологизации современного социально-политического пространства можно понимать как возвращение идеологии в публичный дискурс в новых формах, подчиненных логике цифрового общества и фрагментированного восприятия, что порождает качественно иные механизмы артикуляции интересов, политической мобилизации и структурирования

власти, основанные преимущественно на аффективной вовлеченности, а не на рационально-аргументативных моделях убеждения (Mouffe, 2005) (Wodak, 2015).

На современном этапе попытки конструирования или актуализации идеологических проектов сталкиваются с рядом системных ограничений, обусловленных изменением социальной структуры и логики политической коммуникации в цифровую эпоху.

Во-первых, институциональная структура современного общества все в меньшей степени соответствует классической модели, предполагающей, что производство и трансляция идеологии сосредоточены в рамках государства и партийных организаций. Становление сетевого общества сопровождается рассредоточением властных ресурсов (Castells, 2000), включая контроль над символическим производством и формированием нормативных установок.

Во-вторых, ведущую роль в процессах цифровой трансформации начинают играть негосударственные акторы (прежде всего транснациональные корпорации и цифровые платформы), обеспечивающие инфраструктурные условия повседневного существования и оказывающие непосредственное воздействие на механизмы социализации и политической мобилизации. Цифровые платформы фактически приобретают статус самостоятельных идеологических агентов, способных формировать повестку и определять границы допустимых интерпретаций.

В-третьих, массовая цифровизация и усиление конкурентной борьбы за внимание и лояльность граждан приводят к смещению политического в сторону эмоционального и перформативного. Политическая коммуникация в сетевом обществе характеризуется фрагментарностью, кратковременностью и высокой восприимчивостью к манипулятивным практикам. Хотя цифровые технологии создают эффект расширенного участия и автономной интерпретации политических процессов, на практике субъекты нередко оказываются включенными в сценарии, сконструированные внешними по отношению к ним акторами (Morozov, 2011).

Наконец, эффективность идеологии как инструмента социальной интеграции все в большей степени зависит от фигуры политического лидера. В современных условиях лидер приобретает черты персонифицированного символа – «человека-знака» в терминах Ж. Бодрийяра, чье присутствие в публичном пространстве призвано воплощать идеологический проект в повседневных практиках масс (Бодрийяр, 2000).

Концентрация власти у экономических элит, снижение прозрачности процедур принятия решений приводит к возникновению феномена «теневой политики», когда ключевые управленческие решения принимаются непрозрачными и трудно идентифицируемыми структурами (Zuboff, 2019). Такая форма организации власти препятствует формированию устойчивых идеологических идентичностей и усложняет процессы их легитимации в массовом сознании. Дополнительным фактором дестабилизации идеологического конструирования становится растущая социальная гетерогенность: индивидуализация, миграционные процессы, глобализация и мультикультуралистские практики подрывают традиционные основания коллективной идентичности, на которых исторически выстраивались идеологические проекты (Beck, 1992). При этом индивидуализация не устраняет потребность в идеологической ориентации; напротив, она усиливает спрос на символы, бренды и упрощенные нарративы, выполняющие функцию смысловых опор в условиях распада целостной картины мира.

Заключение

Эволюция идеологии в социально-исторической перспективе – от религиозно санкционированных форм легитимации общественного порядка в традиционных сообществах к секулярным и многоуровневым идеологическим конструкциям индустриальной

и постиндустриальной эпох – отражает способность идеологических систем адаптироваться к изменяющимся условиям социальной организации и доминирующим режимам коммуникации. По мере усложнения социальной структуры и расширения каналов символического обмена идеология утрачивает статус сакрального основания власти, однако сохраняет функцию смыслового упорядочивания социальной реальности.

Расширение медиа пространства за счет перехода от письменных форм к аудиовизуальным и цифровым каналам коммуникации привело не только к демократизации доступа к идеологическому дискурсу, но и к изменению его содержательных и выразительных характеристик. К концу XIX – началу XX века идеология перестает быть исключительно элитарным феноменом, превращаясь в массовый инструмент интерпретации и мобилизации. В 1960–1970-е годы теория деидеологизации, сформулированная в работах Д. Белла, зафиксировала ослабление видимой роли идеологии в условиях формирования постиндустриального общества, ориентированного на технологический прогресс, рациональное администрирование и прагматические модели управления. Тем не менее, речь шла не об исчезновении идеологии, а о ее переходе в менее явные, институционально размытые и контекстуально гибкие формы.

Неспособность универсалистских проектов Просвещения обеспечить устойчивые ответы на экзистенциальные вызовы современности стала одним из ключевых факторов трансформации идеологического пространства. Возвращение идеологии в новых форматах отражает сохраняющуюся потребность индивида в смысловой целостности, идентичности и предсказуемости социального мира, особенно в условиях неопределенности, характерной для постиндустриального общества. В настоящее время данная тенденция проявляется в форме идеологического многообразия и конкуренции фрагментированных идеологических проектов, каждый из которых предлагает собственную интерпретацию социальной реальности и специфические способы символического освоения рисков и неопределённостей позднего модерна.

Литература

- Белл, Д. (1999), *Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования*, пер. с англ. под ред. Иноземцева, В. Л., Academia, Москва.
- Бодрийяр, Ж. (2000), *Символический обмен и смерть*, пер. с фр. и вступ. ст. Зенкин, С. Н., Добросвет, Москва.
- Бодрийяр, Ж. (2015), *Симулякры и симуляция*, пер. с фр. Качалов, А., Рипол-классик, Москва.
- Бутина, С. Л. (2002), «Трансформация мифологии в аспекте становления государственности», *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 3, 67–82.
- Горан, В. П. (1990), *Древнегреческая мифологема судьбы*, Наука, Новосибирск.
- Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Власть идентичности*, пер. с англ., науч. ред. Шкаратан, О. И., ГУ ВШЭ, Москва.
- Комков, О. А. (2020), «К вопросу об экзистенциальном статусе культуры в философии истории Карла Ясперса», *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, 118–126. EDN: TOIFXW
- Ле Гофф, Ж. (2007), *Цивилизация Средневекового Запада*, пер. с фр., общ. ред. Бабинцев, В. А., У-Фактория, Екатеринбург.
- Маклюэн, М. и Фиоре, К. (2011), *Война и мир в глобальной деревне*, пер. с англ. Летберг, И., АСТ; Астрель, Москва.
- Марков, Б. В. (2018), «Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы», *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*, 1, 79–90. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.108; EDN: YTSJSW
- Пеннер, Р. В. и Тихонова, С. В. (2024), «Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 40(1), 81–96. DOI: 10.21638/spbu17.2024.107; EDN: SAEPQO

Рубцов, А. В. (2018), «Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии», *Вопросы философии*, 6, 66-75. DOI: 10.7868/S0042874418060055; EDN: URPPER

Тищенко, Н. В. (2018), «Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор», *Общество: философия, история, культура*, 1, 143–147. DOI: 10.24158/fik.2018.1.30; EDN: YLLTKX

Токвиль, А. (1997), *Старый порядок и революция*, пер с фр., Московский философский фонд, Москва.

Фуко, М. (2002), «Что такое Просвещение?», *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, пер. с фр. Офертас, С. Ч., общ. ред. Визгин, В. П. и Скуратов, Б. М., Праксис, Москва, 335-359.

Хабермас, Ю. (2007), *Техника и наука как «идеология»*, пер. с нем., ред. Кильдошов, О. В., Праксис, Москва.

Ясперс, К. (1991), *Смысл и назначение истории*, пер. с нем., Политиздат, Москва.

Beck, U. (1992), *Risk society: Towards a new modernity*, London; Sage Publications, Newbury Park, CA.

Bell, D. (1960), *The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Castells, M. (2007), “Communication, power and counter-power in the network society”, *International Journal of Communication*, 1, 238–266.

Castells, M. (2000), *The rise of the network society*, Blackwell Publishers, Oxford; Malden, MA.

Gilder, G. (1994), *Life after television*. W. W. Norton & Company New York, NY.

Habermas, J. (1989), *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*, MIT Press, Cambridge, Mass.

Liotard, J.-F. (1985), *The postmodern condition: A report on knowledge*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN.

McLuhan, M. (1964), *Understanding media: The extensions of man*, McGraw-Hill, New York, NY.

Morozov, E. (2011), *The net delusion: The dark side of internet freedom*, PublicAffairs, New York, NY.

Mouffe, C. (2005), *On the political*, Routledge, London, UK.

Negroponte, N. (1995), *Being digital*, Knopf, New York, NY.

Ong, W. J. (1982), *Orality and literacy: The technologizing of the word*. Methuen, London, UK.

Poster, M. (1995), *The second media age*, Polity Press, Cambridge.

Rheingold, H. (2000), *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*, MIT Press, Cambridge, MA.

Wodak, R. (2015), *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean*. Sage Publications, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073

Zuboff, S. (2019), *The age of surveillance capitalism*, PublicAffairs, New York, NY.

References

Baudrillard, J. (2015), *Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation (Simulacres et simulation)]*, Translated by Kachalov, A., Ripol-klassik, Moscow, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (2000), *Simvolicheskiy obmen i smert [Symbolic Exchange and Death]*, Translated by Zenkin, S. N., Dobrosvet, Moscow, Russia (in Russ.).

Beck, U. (1992), *Risk society: Towards a new modernity*, London; Sage Publications, Newbury Park, CA.

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo: opyt sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]*, Translated from English by Inozemtsev, V. L. (ed.), Academia, Moscow, Russia (in Russ.).

Bell, D. (1960), *The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Butina, S. L. (2002), “The Transformation of Mythology in the Aspect of State Formation”, *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 3, 67-82 (in Russ.).

- Castells, M. (2007), "Communication, power and counter-power in the network society", *International Journal of Communication*, 1, 238–266.
- Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura. T. 1: Vlast identichnosti* [The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Power of Identity], Translated from English, Shkaratan, O. I. (sc. ed.), HSE University, Moscow, Russia (in Russ.).
- Castells, M. (2000), *The rise of the network society*, Blackwell Publishers, Oxford; Malden, MA.
- Foucault, M. (2002), "What is Enlightenment?", in *Intellektualy i vlast: Izbrannyye politicheskie stati, vystupleniya i intervyy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews], Translated by Ofertas, S. Ch., general editors Vizgin, V. P. and Skuratov, B. M., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.).
- Gilder, G. (1994), *Life after television*. W. W. Norton & Company New York, NY.
- Goran, V. P. (1990), *Drevnegrecheskaya mifologema sudby* [The Ancient Greek Mythologeme of Fate], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).
- Habermas, J. (2007), *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Technology and Science as "Ideology"], Translated from German, Kildyushov, O. V. (ed.), Praksis, Moscow, Russia (in Russ.).
- Habermas, J. (1989), *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*, MIT Press, Cambridge, Mass.
- Jaspers, K. (1991), *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History], Translated from German, Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).
- Komkov, O. A. (2020), "On the Existential Status of Culture in Karl Jaspers Philosophy of History", *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 118-126 (in Russ.). EDN: TOIFXW
- Le Goff, J. (2007), *Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West], Translated from French, general ed. Babintsev, V. A., U-Faktoriya, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).
- Lytard, J.-F. (1985), *The postmodern condition: A report on knowledge*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN.
- Markov, B. V. (2018), "The Unfinished Revolution: The Political Philosophy of the Frankfurt School", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 1, 79-90 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.108; EDN: YTSJSW
- McLuhan, M. (1964), *Understanding media: The extensions of man*, McGraw-Hill, New York, NY.
- McLuhan, M. and Fiore, Q. (2012), *Voyna i mir v globalnoy derevne* [War and Peace in the Global Village], Translated by Letberg, I., AST; Astrel, Moscow, Russia (in Russ.).
- Morozov, E. (2011), *The net delusion: The dark side of internet freedom*, PublicAffairs, New York, NY.
- Mouffe, C. (2005), *On the political*, Routledge, London.
- Negroponte, N. (1995), *Being digital*, Knopf, New York, NY.
- Ong, W. J. (1982), *Orality and literacy: The technologizing of the word*. Methuen, London, UK.
- Penner, R.V., Tikhonova, S.V. (2024), "Generations of the Frankfurt School: The Genesis of Critical Theory and Its Modernity", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 40 (1), 81-96 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu17.2024.107; EDN: SAEPQO
- Poster, M. (1995), *The second media age*, Polity Press, Cambridge.
- Rheingold, H. (2000), *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Rubtsov, A. V. (2018), "The Illusions of the Deideologization. Between Rehabilitation of the Ideological and Ban on Nationalization of Ideology", *Voprosy filosofii*, 6, 66-75 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0042874418060055; EDN: URPEP
- Tishchenko, N. V. (2018), "Ideology in the Context of Cultural Practices: L. Althusser, A. Gramsci, G. Debord", *Society: philosophy, history, culture*, 1, 143-147 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2018.1.30; EDN: YLLTKX
- Tocqueville, A. (1997), *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Regime and the Revolution], Translated from French, Moscow Philosophical Foundation, Moscow, Russia (in Russ.).
- Wodak, R. (2015), *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean*. Sage Publications, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073
- Zuboff, S. (2019), *The age of surveillance capitalism*, PublicAffairs, New York, NY.

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Суслов Иван Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; *suslov85@inbox.ru*

Кныжова Зарина Закиевна, кандидат политических наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия; *knyzhova@mail.ru*

Сидоров Сергей Петрович, доктор физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой теории функций и стохастического анализа, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *sidorovsp@yahoo.com*

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института рисков, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; *vladimirbalash@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ivan V. Suslov, Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; *suslov85@inbox.ru*

Zarina Z. Knyzhova, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia; *knyzhova@mail.ru*

Sergey P. Sidorov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Function Theory and Stochastic Analysis, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *sidorovsp@yahoo.com*

Vladimir A. Balash, Doctor of Economics, Professor, Director of the Risk Institute, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; *vladimirbalash@yandex.ru*